

Мужское дело

Сергей Зимовец

На жаргоне тюремного гиперреализма становление животным или птицей (ссучиваться, оборзеть, опетушить) давно маркировано в качестве специфической процедуры снижения статуса одного из членов примитивной группы. Тюремное животное-зэка ранжируется как в ролевом, так и социальном планах, и тем самым локализуется для других членов группы в доступном символическом регистре.

Несомненно, что в своей эстетической деятельности Олег Собака-Кулик пытается интегрировать не только испытание естества по Павлову, но и лагерную генеалогию культурного пространства, к которому он принадлежит. Можем ли мы представить на месте Кулика женщину? Смогла бы женщина с ее анатомической конституцией и предустановленным эротическим атласом тела осуществить те брутальные акции, которыми потряс Кулик артсообщество? Даже если это могло бы случиться (что весьма маловероятно), то существует полная уверенность в том, что такого рода события читались бы совершенно в ином символическом и эстетическом горизонтах. Конечно, сценарий женщины-кошки разыгрывался неоднократно, но лишь в аналоговом или аллегорическом ключе. Мужская претензия Собака-Кулика иная: не подавлять в себе животное и не имитировать, а дать себе состояться в качестве животного.

И между тем, мужское животное Кулика остается репрезентацией животного в конвенциональных рамках, - и только укушенный в Стокгольме господин Линквист выбивается из этой репрезентации. Кулик дорос (или опустился) до понимания того, что только в актах реализации, а не показа, животное в Кулике может стать животным. Укус зрителя - великолепная творческая находка Кулика, ситуативно и одновременно превратившая его в животное.

Неутешительное же здесь вот в чем - все дискурсивно проработанные потуги «рассказать о» или «от имени» упираются в безусловную антропологизацию братьев меньших, в лучшем случае - миметический нарратив. Когда писатели пишут о животном (или актеры изображают животных), они пишут (изображают) это для людей, а не для «умирающих телят» (может быть, только

В. Хлебников в некоторых моментах своего творчества выходит за эти рамки). Художественное выражение животных как форма противостоит содержанию собственного предмета. Животное в качестве нормального животного, в качестве здоровья, реализованного посредством синтаксиса, - вот что мы имеем. У животного есть видо-родовой гештальт, пол и поведение, которые и составляют его специфику. Животное представляют нам в качестве человеческого фантазма.

Трансмутации и становление, разнонаправленность и неопределенность, гетерогенный психоз остаются по ту сторону репрезентированного животного и скорее соотносимы с человеком, утратившим «нормальность» («Зоофрения»). Животное как фантазм и изобразительный предмет, как художественный опыт просто-напросто растворяется в его человеческом уподоблении и проекции. Эта проекция, овеянная гуманистической любовью к животному, амбивалентно скрывает бессознательную ненависть и страх к животному внутри самой проекции. Животное для убийства, для жертвы, для чучела, или - для тотема, для дружбы и со-жительства. Существуют ли иные, неввторичные животные, кроме эстетических, т.е. доместифицированных? Иные, вне человеческой оптики и прочтения, - как мономаньяки, как линейные и беспримесные? Хотя бы в качестве перспективы становления животным, некоего ориентирующего «пер-цепта», быть которым ничего не означает, а напрямую реализует? В том-то и дело, что, вопреки собственной декларации, Кулик не хочет быть животным как таковым, он хочет показывать себя людям в качестве эстетического животного и для большей убедительности окружает себя реальными животными, т.е., вместо животного нам подсовывают зверинец (с «ряженым» под животное главным актером).

Оборzenie и ссучивание, в которые втягивается артист перформативного жанра, оказываются последней возможностью остаться человеком мужского пола. Животное становится контекстом этой возможности, а не главным действующим лицом (точнее, не главной действующей мордой). Ибо Кулик не может отказаться от основного идентификационного человеческого признака - быть мужчиной, поскольку стать самцом он не способен. Неоплодотворяющий промискуитет, которому он вынужден следовать, выводит его за классификацию и природный порядок Дарвина, Брема и Мичурина, и делает его специфическим человеческим меринком в мире животных, обезумевшим меринком-без-места, туда-сюда прикладывающим свой гениталий, чтобы безуспешно добиваться признания мужского статуса там, где такое признание не востребовано ни селекцией естества, ни продолжением вида.

Драматическая незавершенность проекта Собаки-Кулика в перверсивности его воплощения, открывающей принципиальную невозможность конвертировать символическое мужское в нерепрезентативную данность животного, в то, что находится вне просвета бытия и любых эстетических горизонтов.